

УДК 82(09) (574)

Р.А.Досмаханова

Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, Республика Казахстан, Кызылорда,
E-mail: dosmakhanova@mail.ru

Тема экологии в казахской поэзии

Статья посвящена рассмотрению ряда произведений казахских поэтов, в которых затрагивается экологическая проблематика. Автор утверждает, что С.Сейфуллин и М.Мақатаев затрагивают экологическую проблематику с точки зрения народного сознания, через призму фольклорного мировосприятия. Взаимоотношения человека и природы трактуются поэтами в рамках вековых традиций, направленных на защиту окружающей среды. Со временем человек утратил мифологическое сознание. Поэтому в произведениях современных поэтов экологическая проблематика приобретает особую остроту и характеризуется социально-философским содержанием. На основе анализа конкретных текстов автор статьи делает вывод, что лирический герой в экологической поэзии испытывает тревогу о завтрашнем дне.

Ключевые слова: экологическая проблема, экологическая поэзия, лирический герой, экологический пейзаж, экологическая культура, трагедия Арала.

R.A. Dosmakhanova

Ecology in modern Kazakh poetry

The article deals with the topical problems of our modern world related to the ecological aspects of its life, and their representation in Kazakh poetry. The author pointed out that the inherent analysis of the ecological problem in the certain text results in intermittence and fragment perception instead of holistic approach to the topic. In accordance with the main idea of the article, the most productive way is to study this range of problems as a hypertext. According to that principle, all texts related to the problem mentioned before, should be considered as a «hyper-problem» which allows us to treat the peculiarities of its artistic presentation.

Keywords: ecological problem, ecological poetry, protagonist, ecological scenery, ecological culture, Aral tragedy.

Р.А.Досмаханова

Қазақ поэзиясындағы экология тақырыбы

Бұл мақалада бірқатар қазақ ақындарының шығармаларындағы экологиялық мәселелер қарастырылып, экологиялық пейзаждың ерекшеліктері ашылады. Автор С. Сейфуллин мен М. Мақатаев шығармаларындағы экология мәселесін халықтың фольклорлық дүниетанымы негізінде сараптайды. Адам мен табиғаттың қарым-қатынасын ақындар қоршаған ортаны қорғауға арналған, ғасырлар бойы қалыптасқан дәстүрлер негізінде жырлайды. Экологиялық поэзияда лирикалық қаһарман заман қалыптастырған экологиялық сана иесі ретінде жан-жақты ашылады. Экологиялық мәселелер, мысалы Арал қасіреті, кейіпкердің көңіл-күйімен, жеке басының мұңымен, тағдырымен тығыз байланыста суреттеледі.

Түйін сөздер: экология мәселесі, экологиялық поэзия, экологиялық қаһарман, экологиялық мәдениет, экологиялық пейзаж, Арал қасыреті.

Introduction

Известно, что художественные произведения воспитывают в человеке трепетное отношение к природе любого уголка земного шара, сострадание к его проблемам – большим и малым, чувство ответственности за то, что происходит вокруг. В

многовековой культуре человечества укоренено представление о насущности единения человека с природой. Это представление художественно воплощалось в творениях словесного искусства. Образы природного мира – неустранимая, вечно насущная грань словесного искусства. В творчестве писателей природа выступает не только

как эстетическая ценность, но и как высшая этическая категория. Экологическая проблематика имеет мировой масштаб. В связи с этим она нашла отражение не только в эпических жанрах. Поэты также подняли голос в защиту природного мира. И если в прозаических произведениях авторскую концепцию выражают персонажи с конкретными судьбами, а экологическая проблема преломляется в ключе сюжетной композиции текста, то в поэтических произведениях лирический герой открыто и непосредственно выражает свою позицию.

В процессе воспитания экологической культуры читателя особое место занимают лирические произведения. В силу своей эмоциональности и экспрессивности стихотворные тексты могут глубоко и лирично передать сложные взаимоотношения человека с природой. Поэт тонко чувствует дисгармонию мира, рожденную враждебным отношением человека к природе. Лирический герой обостренно переживает разобщенность человека с окружающей естественной средой. Эмоциональное состояние поэта оказывает эстетическое воздействие на читателя.

Main body

В стихотворении С. Сейфуллина «Раненая сайга» описывается угрюмый пейзаж пустыни Бетпак-дала. В безводных степях никто не селился. Лишь куланы и сайгаки стойко переносили климатические условия засушливой пустыни. Местные охотники обернули в промысел истребление сайгаков. В результате поредели ряды сайгаков. Не было уже многочисленных стад в степи. Лишь изредка в безжизненной пустыне можно наткнуться на одиноко бродящих животных. С помощью риторических вопросов и восклицаний автор открыто выражает резкий протест против массового явления уничтожения сайгаков:

Мергендер дамыл алмай киікті атқан,
Ауылды қан сасытып топырлатқан.
Киікті ойлай ма екен таусылар деп?
Азайып бірте-бірте келе жатқан!.. [1, с.45]

Охотники, без усталости истребляющие сайгаков,
Отчего аулы пропахли запахом кровавых туш,
Думают ли о том, что уменьшение численности сайгаков
Приведет к их полному исчезновению? (досл. пер.)

Бөкенді атып мерген өлтіргенде?
Жазасыз жан өлді деп ойлай ма екен? [1, с.45]

Думает ли охотник, стреляющий в сайгу,
Что умирает невинная душа? (досл.пер.)

Поэт восхищается красотой сайги и при этом подчеркивает свое трепетное отношение к ней путем сравнения ее с ребенком. В стихотворении автор с болью описывает ситуацию встречи с хромой сайгой. Раненое животное одиноко бредет по бесконечной, безбрежной пустыне. Поэт передает глубокие страдания сайги путем усиления описания состояния одиночества. В тексте неоднократно встречаются выражения: «жалғыз» («одна»), «жапан» («безлюдная пустыня»). Сайга со своей бедой одинока в безбрежной пустыне. Сострадание автора изувеченному животному передают риторические вопросы, риторические обращения и восклицания:

Ақ бөкен сахараның ботакөзі,
Атты екен қандай мерген көзі қиып? [1, с. 46]

Какой бездушный охотник выстрелил
В белую сайгу – красавицу пустыни? (досл. пер.)

Ботакөз сахарада қына терген,
Кім екен жапан түзде сені көрген?
Аяныш сезімі жоқ бір қазақ-ау,
Дәл көздеп жүрегіне атқан мерген!.. [1, с. 46]

Кто же в пустыне увидел тебя,
Красавица пустыни с верблюжьими глазами?
Бездушный человек без чувства жалости
Прямо прицелился и выстрелил в сердце твое!..
(досл. пер.)

Драматизм описываемой ситуации усиливается безмолвной мукой животного. Сайга не может выразить свою боль, так как не имеет человеческого языка. Наболевшее невысказанным грузом таится в ее раненом сердце. И лишь глаза выражают нестерпимую муку. Сочувствуя раненой антилопе, поэт открыто осуждает безжалостного охотника: «аяныш сезімі жоқ» («не имеет чувства жалости»). Тема преступления усиливается мотивом крови: «баялып ақ денесі қызыл қанға» («белое тело окрашено алой кровью»), «моншақтап жерге тамған қызыл қанға» («алая кровь, капающая на землю как бусинки»). Автор сострадает невинному животному: «байғұс киік» («бедная сайга»), «бейшара» («бедняга»), «мазасыз жан» («неспокойная душа»). Сайга

оказалась жертвой человеческой жестокости. Голос поэта звучит в защиту бедного животного. Поэт негодует против охотника, изувечившего сайгу. В тексте стихотворения нет конкретного описания охотника. Образ черствого человека постепенно вырисовывается при описании мук раненого животного. Риторические вопросы и обращения поэта также непосредственно напоминают об охотнике-носителе зла.

Образ жестокого охотника возникает также в поэме С.Сейфуллина «Разлука лебедей». Однако здесь представлен видимый, действующий персонаж. Затаившись в кустах камыша, он выстрелил из ружья в лебедя, затем неторопливо направился с ножом к своей жертве. Разрушена первобытная красота, совершенно страшное преступление. Человек убил любовь и навсегда разлучил лебединую пару. В экспозиции поэмы поэт пространно описывает живописный озерный пейзаж. Лирический герой изображает природу как идиллический уголок для душевного отдыха и умиротворения. Картину изначальной красоты дополняет эпизод трепетной встречи двух влюбленных лебедей. Любовь двоих лебедей, созвучие их чувств усиливает гармонию природного мира. Бездушный стрелок, разрушивший лебединое счастье, характеризуется автором как «сұрша мерген», «ұры шіркін», «зәлім», «суық жүрек» («стрелок», «вор», «подлец», «холодное сердце»). Сама природа изображается метафорически, ее силы мифологизируются. Это говорящая природа. Так, озеро шлет проклятия охотнику:

Күңіренді көл қарғыс шашып,
Шулады көл гүрілдеп. [2, с.109]

Озеро, опечалившись, шлет проклятия,
Шумит, слышен тревожный гул. (досл. пер.)

Речевой характеристикой наделены и влюбленные лебеди. Умиравший лебедь произносит последнее слово прощания: «Хош, жаным!» («Прощай, дорогая!»). Оставшийся одинокий лебедь умоляет охотника убить и его: «Мені де ат!» («Выстрели и в меня!»), «Атшы жылдам мені де!» («Скорее выстрели и в меня!»). Отчаявшись в своей просьбе, несчастный лебедь решает: «Жұбайымнан қалмаймын» («Не отстану от супруги»). Перед смертью лебедь-самоубийца прошептал возлюбленной последнее слово-прощание: «Ырза бол!» («Не обессудь!»).

Лебединая печаль описывается поэтом как человеческое горе. Несчастным лебедь оплакивает невозполнимую потерю. Состояние лебедя напоминает человеческие страдания: «зарлады» («стонал»), «болмай ие моншақтаған жасына» («безостановочно лил слезы»), «сыңсыды» («причитал»), «бетін жаспен жуды» («омыл лицо слезами»), «баурын басып жылды» («плакал, прижавшись грудью к земле»), «көзден жасы парлады» («слезы рекой текли из глаз»), «мөлдiреген көздің жасын моншақтатты, тимады» («не прекращал лить слезы с глаз, объятых тоской»). Свое сочувствие лебединому горю автор выражает непосредственно через риторическое обращение:

Жылама енді, күйікті жар!
Неге керек еңіреу?
Кімге мұнша кыласың зар?
Жер менен көк меніреу! [2, с. 111]

Не плачь, печальный влюбленный,
Зачем лить слезы?
Перед кем изливаешь тоску?
Земля и небо глухи! (досл. пер.)

Одинокий лебедь принял добровольный конец: упал с высоты и разбился насмерть у ног охотника. И в смерти гордая птица оказалась верной своей возлюбленной. Лебединая преданность заставила вздрогнуть даже черствого охотника, который не решился выстрелить второй раз.

В обоих произведениях отражены одинаковые ситуации: человек (охотник) совершил преступление перед природой (выстрелил в сайгу, в лебедя). Конфликт между человеком и природным миром создает необратимую драматическую ситуацию. Человек жесток, черств. Он разрушает изначальный миропорядок. Голос поэта на стороне изувеченной природы. Поэт осуждает человеческую черствость и сострадает природному миру. Такие произведения, как «Раненая сайга», «Разлука лебедей» позволяет читателю проникнуться гуманной авторской идеей. Вслед за поэтом читатель эмоционально сопереживает одинокой раненой сайге, сострадает безутешному одинокому лебедю, горько оплакивающему свою возлюбленную. Благодаря авторским описаниям пейзажа читатель входит в природный мир и постигает его первозданную красоту. Вместе с тем читатель осуждает охотника за бездушие

и сострадает искалеченной сайге, разлученным лебедям, в целом природному миру. Ранимый и чуткий внутренний мир лирического героя оказывает эстетическое воздействие на читателя, побуждая его к внимательному и трепетному отношению к окружающей действительности. Широко используя олицетворения и метафоры, поэт изображает изувеченную людьми природу как страдающий живой организм. Бедствие природного мира передается как человеческая боль. Поэтому через гуманное отношение к природе в читателе пробуждаются лучшие нравственные чувства. Через приобщение к таким произведениям, как «Раненая сайга», «Разлука лебедей» читатель начинает глубже осознавать необходимость бережного, человеческого отношения к окружающему миру, в нем постепенно формируется экологическая культура.

Как человек относится к природе? Существуют ли определенные этические нормы поведения человека по отношению к окружающей среде? К чему ведет нарушение этих правил? Наказуемо ли нравственное преступление человека перед природой? Круг подобных проблем затрагивается в поэме М.Макаева «Когда спят лебеди». Поэт тонко и лирично описывает одинокое озеро Жетымколь, расположенное высоко в горах. Водоем осиротел, так как его покинули лебеди. М.Макаев описывает в ретроспективном плане картину пребывания на озере белых лебедей. Жетымколь ликовал от счастья при возвращении своих хозяев-лебедей. Озеро шептало величественному Алатау о суюнши за счастливую весть.

В этом краю испокон веков существовала традиция, основанная на священной заповеди: нельзя стрелять в белых лебедей, нельзя нарушать лебединый покой. Исчезали с лица земли поколения людей, оставляя потомкам это великое назидание. Параллельно миру природы поэт показывает в поэме и человеческую действительность. У изголовья больного ребенка томятся от бессилия отец и мать. Несчастливая мать мечется в поисках пути спасения единственного сына. И тут она вспоминает о нелепом совете целителя: окропить ребенка лебединой кровью. Между супругами завязывается диалог. Отец отказывается совершить такой грех. Тогда безумная мать с ружьем в руках отправляется на озеро. Автор мастерски живописует озерный пейзаж, предутреннюю тишину и лебединый сон. Человек с неразрешимым узлом своих проблем окунается

в мир природы. На какой-то момент гармония природного мира (небо, озеро, спящие лебеди, лес, горы) завораживает женщину, заглушает в ней людскую печаль. М.Макаев психологически верно отражает ее сложное внутреннее состояние: «не покидая свой очаг, не ведала, что мироздание столь прекрасно» [3, с. 75].

Однако суровая действительность пересиливает сомнения мятущейся женщины. Она забывает о святой заповеди предков и стреляет в лебедя. В этот момент озеро горько оплакивает смерть птицы, даже камни обезумели от случившейся беды. Старый конюх, встретивший женщину у озера, спрашивает, не поранила ли она до крови палец перед совершением ужасного преступления. Символическое искупление кровью как бы смягчает тяжесть греха. На вопрос старика безумная женщина обреченно замечает, что не подумала об этом, хотя в детстве часто слышала о народной заповеди: будет жестоко наказан убивший лебедя. Видимо, несчастная мать в страхе за жизнь единственного ребенка не поняла скрытый смысл слов целителя. Выздоровление ребенка через лебединую кровь невысказано, так как нельзя убивать этих святых птиц. Если невозможно убить лебедя, значит нет возможности спасти больного ребенка. Горькую правду лекарь-вещун передал, опираясь на вековой народный опыт: человек, почитающий закон о святости лебедей, поймет, что нет спасения ребенку.

Поэма М.Макаева «Когда спят лебеди» перекликается с поэмой С.Сейфуллина «Разлука лебедей». Однако в поэме М.Макаева конфликт человека с природой разворачивается на примере пограничной ситуации, на фоне драмы человеческой судьбы. Казалось бы, безумие матери можно и оправдать. Вот и старый конюх не осуждает ее, а глубоко сетует и спешит завершить диалог. Желание спасти единственного ребенка заставляет мать взять в руки ружье и сделать роковой выстрел. Между тем в поэме С.Сейфуллина охотник (профессиональный стрелок) совершает преступление сознательно и беспристрастно, как нечто обыденное и привычное.

М.Макаев акцентирует внимание на психологическом мотиве поступка героини. Однако такая сложная трагическая ситуация, где на первом плане материнская любовь, не смягчает тяжести нравственного преступления. Убита красота, нарушена гармония. Человек разрушил изначальный миропорядок, переступил священный за-

кон предков. В результате он наказан, даже если этот человек – самое гуманное и жизнелюбивое существо как мать. Поэтому в конце поэмы несчастная женщина узнает о смерти ребенка.

В поэме С.Сейфуллина нет таких конкретных сведений о наказании охотника. Хотя поэт замечает, что застонало и зашумело озеро, прозвучало проклятие. Сейфуллин мельком упоминает и о том, что лебединая преданность заставила вздрогнуть сердце охотника, который вдруг не решился стрелять во второго лебедя. В целом С.Сейфуллин акцентирует внимание на взаимоотношениях влюбленных птиц (чистой любви, безграничной верности, безутешных страданиях от вечной разлуки), то есть на эмоциональном состоянии жертвы. Это подтверждает и заглавие поэмы: «Разлука лебедей».

М.Макатаев освещает в первую очередь психологическое состояние матери-убийцы. Хотя в данном случае и она оказывается жертвой своего преступления. Автор использует психологический параллелизм для раскрытия такого сложного момента. Белая постель – озеро, мертвый ребенок – застреленный лебедь, мать, оплакивающая сына, – раненный лебедь, летающий низко над убитой птицей. Несчастливая женщина приходит к однозначному выводу: стреляя в лебедя, убила сына. Она сначала пытается оправдать себя, а затем горько плачет, кается в содеянном грехе и взывает к богу о прощении.

В эпилоге поэмы автор замечает о том, что священные птицы больше не возвращались на озеро Жетымколь. Лебеди дважды не прилетают на то место, где нарушили их покой. Центральный образ поэмы озеро Жетымколь предстает в персонифицированной форме. Само название его «Озеро-сирота» передает драматизм описываемых событий. Озеро тоскует по своим хозяевам-лебедям. Автор утверждает, что исчезающее и неизменное озеро – это живая память, вечный укор, суровый упрек человеческому преступлению. В связи с этим конкретные эпизоды о болезни ребенка и горе родителей не есть частная судьба и личная трагедия героев поэмы. Драма отдельной семьи перерастает границы частного и приобретает общечеловеческий характер и глобальный масштаб: Жетымколь навсегда осиротел. Выстрел безумной женщины в священную птицу – это нравственное преступление человека перед природой и творцом.

Для народного сознания, фольклорного мировосприятия характерно трепетное отношение

к природе. Об этом свидетельствуют приметы, устойчивые традиции, вековые законы, направленные на защиту окружающей среды. Так, в автобиографическом стихотворении М.Макатаева «Змея у колыбели» есть эпизод, где бабушка по-эта плеснула на голову змеи молоко, чтобы та покинула жилье. При этом мудрая женщина приговаривала:

«Надо понимать,
Что тварь живую без нужды особой
Не следует ни бить, ни убивать,
Змей не кусает никогда того,
Кто сам не станет обижать его» [4, с. 115].

Однако со временем человек утратил мифологическое сознание, ощущение святости первоначального мира. И в этом его трагедия, которая приводит к катаклизмам в природе. Поэтому отношение человека к окружающей естественной среде – это многовековой процесс, имеющий свои истоки, традиции и нравственно-этические нормы.

Особое место в казахской поэзии на экологическую тему занимает образ высыхающего Арала. Поэты часто персонифицируют море. Так, в стихотворении М.Шаханова «Трагедия Арала» море олицетворяется с безмолвной матерью, потерявшей двух сыновей. Под сыновьями подразумеваются обмелевшие реки Сырдарья и Амударья. Поэт сочувствует морю. Арал выносил как многострадальный терпеливый народ. Стихотворение начинается риторическими вопросами об утраченных счастливых днях, когда море было полноводным.

Ш. Сариев в стихотворениях «Прощание поэта с морем», «Море», «Зашумело все вокруг», «Размышления о море» выражает свою сыновнюю боль об участи моря-матери. Он родился и вырос в Приаралье. Этим и объясняется его особое трепетное отношение к Аралу. В эмоциональной и патетической форме поэт оплакивает гибель старого Арала. Экологическая тема находит специфическое отражение в лирическом произведении. Лирический герой остается наедине с природой и его монолог адресован непосредственно к природе. Поэт оплакивает море, некогда воспетое А.Аманжоловым, С.Мауленовым, К.Шангитбаевым, вдохновившее композиторов Ш.Калдаякова, Н.Тлендиева, взрастившее писателей А.Нурпеисова, З.Шукурова. Здесь проявляется духовная сущность природного мира. Арал – это не только водоем на географической

карте, это история и культура народа. Не случайно, Ш.Сариев называет его в персонифицированной форме «древним поэтом». Авторская позиция выражается в эмоционально-лирической форме, характерной только для поэзии. Поэт спрашивает у моря, как ему помочь. Если он выплачет все свои слезы, заполнят ли они море, если он выдавит кровь своего сердца с кулачок, заполнится ли море. Состояние поэта на берегу высыхающего моря сродни печали осиротевшего сына у смертного одра умирающей матери. Поэт передает историческую биографию древнего моря как «Сумерки», «Мытарства» и «Крушение». Такая реминисценция используется Ш.Сариевым с целью усиления трагической судьбы родного Арала, который находится на стадии «Крушения».

В поэме Т.Медетбека «Сырым бүтін, ішім түтін» («Внешне цел, внутри – дымит») есть глава «Экологиялық жыр» («Экологическое сказание»), где Казахстан представлен как больной человек с высокой температурой. Болезнь запущена. Невольно возникает аналогия с мыслями Жадигера из «Последнего долга» А.Нурпеисова, сравнивавшего Арал с тяжелобольным, у постели которого топчутся корыстолюбивые вещуньи и лекари. «Леса, поедаемые червями, – большие легкие», «Арал и Балхаш – большие почки, заполненные солью и камнями», «Некогда великая Сарыарка – искалеченная спина без живого ме-

ста» [5, с. 5] как метафорические образы позволяют представить единый образ (макрообраз) всей страны с изувеченной природой. Заслуживает особого внимания само по себе жанровое определение главы «Экологическое сказание». Видимо, термин «экологическое» в иерархии литературных жанров представляет определенную прослойку художественных текстов, в которых поднимаются экологические проблемы.

Results

Таким образом, экологическая проблематика в произведениях казахских поэтов трактуется масштабно. Она касается исторического прошлого, настоящего, будущего и объемлет материальное и духовное, бытовое и бытийное, личное и всеобщее. В стихотворных текстах на экологическую тему представлен образ исковерканного пейзажа. Природа – не та первозданная среда обитания. Ее естественная красота разрушена человеком. Экологический пейзаж окружает людей, для которых природа не есть уже объект эстетического любования и психологического покоя. Поэтому лирический герой в экологической поэзии испытывает тревогу о завтрашнем дне и испытывает горечь сожаления и душевные муки от осознания и осмысления природных катаклизмов.

Литература

- 1 Сейфуллин С. Ақсақ киік // Сейфуллин С. Өлеңдер мен поэмалар. – Алматы: Мектеп, 1983. – 44-46 бб.
- 2 Сейфуллин С. Аққудың айрылуы // Сейфуллин С. Өлеңдер мен поэмалар. – Алматы: Мектеп, 1983. – 103-112 бб.
- 3 Мақатаев М. Аққулар ұйқтағанда // Мақатаев М. Өлеңдер мен поэмалар. – Алматы: Жазушы, 1993. – 72-83 бб.
- 4 Мақатаев М. Зов души: Поэмы, стихотворения/Пер. с каз. Ю.Александрова, М.Курганцева. – Алма-Ата: Жазушы, 1981. – 144 с.
- 5 Медетбек Т. Сырым бүтін – ішім түтін // Жас Алаш. – № 15. – 20 ақпан, 2007. – 5-б.

References

- 1 Seifullin S. Aksak keik // Seifullin S. Olender men poemalar.- Almatu: Mektep,1983. – 44-46 bb.
- 2 Seifullin S. Akkudyn airilyi // Seifullin S. Olender men poemalar.- Almatu: Mektep,1983. – 103-112 bb.
- 3 Makataev M. Akkular yiktaganda// Makataev M. Өлеңдер мен поэмалар. – Olender men poemalar.- Almatu: Jazuchi, 1993. – 72-83 bb.
- 4 Makataev M. Zov duchi: Poemy, stihotvorenia/Per. S kaz. U.Aleksandrova, M.Kurganceva.- Alma-Ata: Jazuchi, 1981. – 144 c.
- 5 Medetbek T. Syrtym bytin – ichim tutin// Jas Alach № 15, 20 akpan, 2007. – 5-b.